

Альберти и Фичино: история отношений

(статья опубликована в изд.: Леон Баттиста Альберти и культура Возрождения. М., 2008. С. 74-84)

Среди тех, кого Фичино в перечне близких ему людей, образующих основной состав его кружка, причислял к “друзьям-собеседникам” (*familiars confabulators*), следует выделить небольшую группу гуманистов, отношения которых с главой флорентийских платоников заслуживают специального внимания. Каждый из них стяжал прочную славу среди современников и в потомстве, представляя собой самостоятельную культурную величину. Тем важнее узнать, что их могло связывать с трудами Платоновской академии.

Упоминания имени Леона Баттиста Альберти¹ в сочинениях Фичино единичны. Он назван в каталоге его друзей, причем Фичино уточнил, что вместе с Аккольти и Ландино Альберти не принадлежал к тем, кто слушал его первые лекции (*primas lectiones*). На то, когда же начались их отношения и сколь тесными они были, в сочинениях обоих гуманистов нет прямых указаний. Зато в “Камальдоленских беседах” Ландино есть описание их встречи и участия в философских прениях вместе с Лоренцо и Джулиано Медичи, Аламанно Ринуччини, Пьеро и Марко Паренти и Антонио Каниджани, спасавшихся, если верить Ландино, от нестерпимой жары в основанном еще Св. Ромуальдом в XI в. загородном монастыре. Леон Баттиста, как сказано, “недавно покинул Рим и, направившись по аретинской дороге, заехал в Фильине к Марсилию Фичино, безусловно, первенствующему среди платоников нашего времени. По общей договоренности, они вернутся во Флоренцию не раньше, чем проведут все самое знойное время в Казентинской долине. Находясь уже там и

оставив своих лошадей, они не спеша направились в нашу сторону, сопровождаемые Мариоттом, настоятелем монастыря, достойным уважения как за свое благочестие, так и за свою ученость. Новость об этом наполнила всех нас радостью, - пишет Ландино, - и горя нетерпением их принять и говорить с ними, мы пошли к ним навстречу и, увидев их, обменялись приветствиями. Остаток дня, когда Солнце уже садилось, мы провели, слушая Баттиста [Альберти]. [Как никто другой] за многие века он преуспел во всех науках и достиг аттической утонченности и в словесности его познания и его увлечения простираются на все, что доступно изведать человеку”².

Фичино и Альберти, охарактеризованные как выдающиеся люди своего времени, представлены довольно близкими друзьями: один навещает другого, они вместе собираются проводить летние каникулы и сообща же идут к собравшимся в монастыре своим флорентийским знакомым. В ходе самих бесед Альберти несколько раз с большим почтением говорит о Фичино. На вопрос Донато Аччайуоли, почему Альберти, назвав его и Аламанно Ринуччини аристотеликами, не причислил к ним же и Фичино, Леон Баттиста, улыбнувшись этому последнему, ответил: “Что иное, если не зависть, полагаешь ты, Донато, удержала меня от этого? Хотя я не сомневаюсь, что он широко черпал из Ликейского источника, однако мы все считаем его наиболее точным толкователем тех загадок, которые изречены оракулом Академии, и неужели ты думаешь, что меня можно заставить признавать за ним и то и другое [принадлежность к Ликею и к Академии – *Авт.*]?”³. Таким образом за Фичино признана и закреплена роль главного выразителя точки зрения платоновского направления.

Далее Альберти по ходу своего выступления подошел к вопросу о Высшем Благе, отождествляемом с Богом христианами, а еще гораздо раньше Платоном, об этом, по словам гуманиста, можно узнать из

Фичинова «Комментария на “Филеб”», о коем он отзывается как о произведении глубоком, но более всего ясном и простом⁴. По настоянию Альберти, Фичино вынужден был дать изложение основных мыслей своего комментария. В следующий раз ссылается Альберти на Фичино уже как на автора «Комментария на “Пир” Платона...», обсуждая вопрос об озарении души в четвертой книге диалогов Ландино⁵. Наконец, последнее упоминание сделано в связи с “еще не отделанным” главным сочинением Фичино “Платоновским богословием”, которое Альберти, заехав к своему товарищу в Фильине и будто бы “случайно обнаружив, раскрыл и отдельными местами с великим удовольствием прочитал”; среди прочего, Альберти характеризует его как “вещь во всех отношениях значительную и плод великих дарований ума”⁶.

Итак, если верить Ландино, Альберти был довольно близко связан с Фичино и относился к нему, весьма молодому в сравнении с собой человеку (Альберти родился в 1404 г., Фичино – в 1433 г.), с превеликим почтением. Возникает, правда, вопрос о том, насколько можно полагаться на сообщения Ландино; ведь его “Камальдоленские беседы” – не протокольная запись ученых прений, а литературно-философское произведение, и, имея это в виду, можно усомниться даже в том, происходила ли на самом деле описанная Ландино встреча в указанном им составе наиболее видных гуманистов Флоренции. Судя по намекам на некоторые обстоятельства, встреча эта должна была состояться летом 1468 г., до того, как здоровье Пьеро Медичи резко ухудшилось⁷. Но тогда как быть со ссылкой Альберти на “Платоновское богословие” Фичино, начатое не ранее середины 1469 г., или с упоминанием «Комментария на “Пир” Платона...», к работе над которым глава флорентийских платоников приступил не ранее поздней осени 1468 г.? Налицо явное несоответствие между сведениями, приводимыми у Ландино, и действительностью,

объясняемое тем, что книга создавалась незадолго до смерти Пьеро Медичи (1 декабря 1469 г.) и, по-видимому, продолжала редактироваться вплоть до ее издания, которое не датировано, но по-видимому, было осуществлено в 1474 г.⁸. И, тем не менее, стоит прислушаться к суждению давнего исследователя флорентийской Платоновской академии А. Делла Торре: даже если рассказанное в диалогах Ландино не является действительностью, тем не менее оно вполне соответствует ей⁹. В самом деле, хотя летом 1468 г. Альберти не мог знать «Комментария на “Пир” Платона...» и «Платоновского богословия», с этими сочинениями Фичино он имел возможность познакомиться позже, когда они в принципе были доступны ему, и, похоже, суждения, близкие к тем, какие по их поводу должен был высказывать Альберти, Ландино воспроизвел в своих диалогах.

В историографии вызывало смущение то обстоятельство, что Альберти в своих педагогических и моральных сочинениях отдававший предпочтение жизни деятельной перед созерцательной, у Ландино выставлен защитником именно этой последней¹⁰. Соглашаясь, что к концу жизни Альберти мог переменить свои взгляды на эту проблему, Р. Марсель все же считает, будто в данном случае он представлен выразителем мысли самого Ландино, который, изображая его в подобной роли, хотел тем самым воздать честь умершему (1472 г.) к моменту выхода в свет книги гуманисту¹¹. Скорее всего, однако, в данном случае Альберти представляет точку зрения не одного Ландино, а всего платонического движения, идеалы которого он, похоже, уже разделял и к которому он был приобщен Марсилием Фичино гораздо раньше 1468 г., описанного в «Камальдоленских беседах». Подобное предположение с большой долей уверенности позволяет высказать одно сравнительно недавно сделанное наблюдение С. Джентиле: оказывается «Пифагорейские речения» (*Sentenze pitagoriche*), небольшое сочинение Альберти,

подготовленное им для его племянников на Рождество 1462 г., имело своим главным источником Фичинов перевод на латынь приписываемых Пифагору “Золотых стихов” и “Символов”¹². Альберти пользовался рукописью перевода (впервые издан он был только в 1497 г.), несомненно, с дозволения его автора, что может свидетельствовать о сложившихся между ними доверительных, если не дружеских, отношениях уже в начале 60-х гг. Очевидно, что Фичино к своим изысканиям в области так называемой древнеязыческой богословской мудрости сумел привлечь внимание прославленного земляка. И поэтому совсем небезосновательными выглядят реплики Альберти в “Камальдоленских беседах” о трудах Фичино середины 60-начала 70-х гг., с которыми как лицо, к нему очень близкое¹³, он должен был иметь возможность тем или иным способом познакомиться.

Исследуя отношения Фичино и Альберти, нужно обязательно указать на черты идейного сходства, которое также могло связывать этих двух мыслителей. В особенности бросается в глаза, сколь единокорны они были в восприятии времени. Для Альберти время, наряду с душой и телом, является подлинным достоянием человека, тогда как все другое, или “внешние блага” блага, вроде богатства, власти, общественного положения, принадлежит по-настоящему только фортуне; поэтому со временем нужно обходиться бережно и рачительно. Как это делать, Альберти подробно объясняет устами одного из персонажей третьей, “хозяйственной” книги (*Liber economicus*) диалогов “О семье” (созданной в 1432-1434 гг.). “Что касается времени, - наставляет престарелый Джанноццо Альберти своих молодых сородичей, - то я стараюсь употреблять его умело, никогда не тратя попусту. Использую время, насколько в моих возможностях, для похвальных занятий, не уделяю его вещам малозначительным; на любое дело я расходую времени не больше, чем

требуется, чтобы исполнить оное как следует. И дабы не терять ни малейшей доли времени, представляющего великую ценность, я установил себе за правило никогда не сидеть без дела... я бегу сна и безделья, постоянно чем-то занимаясь. Дабы дела не путались и по этой причине не оказалось потом, что, начав несколько, я не закончил ни одного, или же при таком образе действий мне не привелось бы осуществить то, что похуже, и пренебречь лучшими занятиями, знаете, дети мои, что я делаю? Утром, прежде чем встать, я задаю себе такой вопрос: чем предстоит мне сегодня заниматься? Такими-то вещами; перебираю их в памяти, обдумываю и каждой определяю время: это – утром, то – днем, а вот то другое – вечером. Так, по порядку, я исполняю всякое дело почти без напряжения.... И запомните, дети мои, любую вещь, сколь обильна и легкодоступна она ни была бы, крайне сложно заполучить, если пропущен подходящий для этого момент. Злаки, травы, ягоды, цветы, плоды и все другое ты легко достанешь, когда наступает их время; когда оно проходит, ты их можешь обрести с превеликим трудом. Посему, дети мои, нужно учитывать время, соответствующим образом его распределять так, чтобы для дела никогда не пропадало ни часу. Я мог бы вам рассказать, сколь драгоценно время, но об этом следовало бы вести речь в другом месте, располагая более изысканным слогом, более сильным умом, более основательной образованностью, нежели моя. Я только призываю вас не терять времени. Поступайте так же, как и я. Утром устанавливаю себе распорядок дня, днем выполняю, что мне положено, а затем вечером, прежде чем отправиться на отдых, припоминаю совершенное за день. И если обнаруживается, что какая-то вещь сделана не так и можно было бы сейчас же ее поправить, я немедленно этим занимаюсь; ибо готов пожертвовать скорее сном, чем временем, подходящим для дел. Сон, еду и тому подобное можно наверстать, взяв свое и завтра, а вот упущенное время не вернешь”¹⁴.

В том, чтобы правильно использовать время, рационально его организуя Альберти видит главное условие самосозидания человека, ибо – как говорит все тот же Джанноццо в диалогах “О семье”, - “кто знает, как распорядиться временем, не теряет его, тот может практически все, может овладеть, чем только пожелает”.¹⁵ Примером и доказательством такого рода безграничных возможностей человека в формировании им собственного “я” предстает сам Альберти в его анонимном словесном описании, которое скорее всего является его собственной автобиографией: стремясь приобрести все возможные знания и умения, достичь успехов во всех науках, искусствах, в самых разных видах физического и нравственного воспитания, он посвятил этому все силы и время и стал, если верить его словесному портрету, олицетворением человеческого всесовершенства. Экзистенция им ощущается как постоянное напряжение; все время трудясь, даже по ночам, что приводило к болезням уже в молодом возрасте, он не позволял себе расслабляться и отдыхать: «Выходя для отдыха на прогулку по улицам и видя, как все ремесленники без усталости работают в своих мастерских, он, как будто по приказанию строгого судьи часто немедленно возвращался домой, говоря: “Надо и нам продолжать начатую работу”...Когда же осенью смотрел он на отягченные созревшими колосьями нивы и на деревья, усеянные плодами, он впадал в такое глубокое уныние, что случалось видеть его иной раз горько плачущим и слышать, как он шептал про себя: “Вот, Леон, сколько со всех сторон свидетелей и обвинителей нашего нерадения!”...»¹⁶.

Подобное отношение ко времени отразилось и в упомянутых выше “Пифагорейских речениях”, выступающих у Альберти в роли своего рода моральных заповедей. В их состав он включил следующее наставление: “Из отведенных живущему сроков, постоянно теряются те, которые не используешь. Вчера прошло, завтра неизвестно. Итак,

живи сегодня”¹⁷. Этого изречения нет в Фичиновых переводах так называемых пифагорейских писаний - “Золотых стихов” и “Символов”, на которые Альберти опирался. Обыгрывая в цитированных словах мысль, сформулированную Марциалом, Альберти самочинно ее ввел в то, что можно было бы назвать сводом пифагорейской мудрости. Ее многочисленные отзвуки легко найти в сочинениях морального характера гуманистов флорентийской Платоновской академии.

Для Фичино характерно такое же острое переживание текучести, быстротечности времени, как и для Альберти. У него звучат те же самые призывы жить настоящим, радоваться сегодняшнему дню, и ни в коем случае не полагаться на будущее, неверное и обманчивое: «”Нет, никогда, мне поверь, - увещевал Фичино осенью 1474 г. своего патрона Лоренцо Медичи цитатой из Марциала, - не скажет мудрец: ‘Поживу я’, - / Жизнью завтрашней жить – поздно. Сегодня живи!”... Да сгинет сегодня это завтра, да сгинет как можно быстрее, дабы ты не погиб; нет ничего лживее этого завтра, обманывавшего всех, кого рождала земля... Мы едва обладаем настоящим, ведь мы так непрочно его имеем, что не могли бы его задержать даже на короткий миг. Однако будущее – ничто, - повторяет гуманист снова и снова, - посему никто не владеет им... Будь счастлив сегодня; если ты рассчитываешь на счастье завтра, ты никогда не будешь счастлив”»¹⁸. Эта же мысль - “радуйся настоящему” – закреплена в изречениях, начертанных “на стенах Академии”¹⁹, став таким образом одной из фундаментальных этических норм возглавляемого Фичино платонического сообщества.

Исходя из убеждения о величайшей ценности времени, Фичино то и дело в своих посланиях обращался к близким ему людям с призывами дорожить временем и не терять его, в особенности когда заходила об овладении науками “Но желаешь ли ты благоденствовать? [Тогда] учись хорошо и учись, прошу тебя, сегодня; кто учится завтра, не

учится никогда”²⁰, - наставлял он в ноябре 1473 г. Антонио Пацци, своего подопечного из могущественной флорентийской семьи. В письме к одному из своих ближайших друзей Джованни Кавальканти Фичино оправдывал настоятельную просьбу вернуть ему книги нежеланием терять время, по-видимому, для работы, ибо, по его словам, нет потери большей, чем эта²¹. Подобную же мысль он обыгрывал в письме к Пьеро Ванны, Керубино Кварквальи и Доменико Галетти, рассуждая о глупости и убогости людской: “Кто задумывается о том, сколь вредна потеря времени? Расходуя деньги, мы очень скупы, расходуя время, - расточительны сверх меры”²².

Более подробно о недопустимости проводить время без дела писал Фичино в уже цитированном послании к своему еще юному покровителю: “В моей болезни, Лоренцо, ничто меня не угнетало так сильно, как память о бесполезно потраченном времени; напротив, ничто не могло меня как-то утешить, кроме воспоминания о том, чему я обучился, пусть выучил я немного... Поэтому я умоляю тебя, мой дражайший патрон, ради вечного Бога тратить благоразумно и расчетливо наидрагоценнейшее время, сколь немного его не было бы, дабы у тебя никогда не нашлось повода раскаиваться в напрасной расточительности и безвозвратной потере. Восемидесятилетнего Феофраста потеря времени часто приводила к слезам²³; и она же заставляла великого Козимо, когда ему было за семьдесят, часто тяжело вздыхать в моем присутствии... То, о чем я прошу, Лоренцо, просто, ибо нетрудно проводить один час надлежащим образом и с пользой; употреби, молю тебя, ежедневно один час как следует, то есть для насыщения ума свободными науками, и пусть сие малое время живет счастливо для тебя”²⁴.

По аналогии с тем, как Альберти изображал представителя старшего поколения своей семьи, умудренного собственным и своих сородичей жизненным опытом, проповедником принципа умелого, к

наибольшей выгоде для человека обращения со временем, так и Фичино в роли главного авторитета, показывающего собой пример того, сколь надо дорожить временем, выставлял, обращаясь к Лоренцо, его деда Козимо Медичи. “Козимо был столь же скуп и бережлив со временем, сколь Мидас с деньгами; - сказано в следующем послании к Лоренцо (осень 1474 г.), - и хотя он очень экономно расходовал дни, тщательно рассчитывая каждый час, сей человек, знающий цену мгновению, часто оплакивал впустую растраченное время”²⁵. Мы не знаем, в какой мере образ Козимо, нарисованный Фичино, соответствовал действительности; важно, что таким его видел или хотел видеть гуманист, изображая как безукоризненный образец рачительного хозяина времени, пекущегося о полезном употреблении каждого его мига. И этим образцом он призывал руководствоваться Лоренцо.

К увещаниям своего наставника молодой властитель Флоренции оказался восприимчив. Во всяком случае таким он изображал себя. “Я был весьма обрадован твоим посланием, - писал (октябрь 1474 г.) он в ответ на новое обращение к нему Фичино, льстя ему и в то же время умея найти себе оправдание, - в котором ты обличал нас в бессмысленной потере времени таким образом, что совсем бесполезным оказывается сие наше безделье. Ибо обычная небольшая потеря времени спровоцировала тебя выступить с наставлениями, кои могли бы быть полезны не только нам, но и всем, страждущим от той же болезни”²⁶. В конце письма еще раз одобрительно отзываясь о поучениях своего нравственного руководителя, Лоренцо воспроизводил излюбленную мысль того о времени, не знающем никакого завтра²⁷.

Моральные уроки Фичино и мыслителей его круга были столь основательно усвоены Лоренцо Медичи, что он сам стал их активным пропагандистом. В знаменитой “Вакхической песне” (или иначе -

“Триумф Вакха и Ариадны”, 1489 г.), где речь идет о быстротечности жизни, он воспроизводит в двух стихах часто повторяемые Фичино заповеди - “радуйся настоящему” и “не доверяй завтра”:

“Счастья хочешь, счастлив будь

Нынче, завтра - неизвестно”.²⁸ (Перевод В. Брюсова)

Призыв дорожить временем, столь характерный для моральных наставлений его ученого друга, является лейт-мотивом одной из “Плясовых песен” Лоренцо (1490-1491 гг.), получая точное и полное выражение в ставшей очень популярной максиме “время не ждет”:

“Тот, кто выжидает, время убивает,

Ведь оно не ждет, но прочь убегает”²⁹.

Своему сыну Иоанну, когда тот, четырнадцатилетний, был возведен в кардиналы (1489 г.), Лоренцо в поучениях, напоминающих назидания уже не столько Фичино, сколько Альберти, рекомендовал быть рачительным хозяином своего времени, уметь его должным образом организовать: “Одного правила прежде всего советую Вам держаться как можно строже, а именно: вставать каждое утро рано, чтобы - не говоря уже о большой пользе для здоровья – иметь возможность обдумать и сделать все, что нужно, за день; и в Вашем сане – поскольку Вам надлежит служить в церкви, учиться, давать аудиенции – Вы найдете это весьма полезным. Другое дело тоже в высшей степени необходимо в вашем положении, именно: обдумывать всегда, и в особенности вначале, вечером все, что Вы хотите сделать на следующий день, дабы не могло выйти ничего непредвиденного”³⁰.

Все сведения, которые удалось собрать об отношениях Альберти с Фичино, убеждают в несомненной близости этих выдающихся гуманистов своего времени. Несмотря на значительную разницу в возрасте между ними, Альберти был очень внимательным к духовным свершениям своего молодого сотоварища по ученым занятиям, увлеченного “возрождением” древнеязыческой мудрости. Вместе с

тем, и концепции Альберти, разработанные им задолго до появления кружка единомышленников, известного как Платоновская академия, если и не оказали непосредственного воздействия на некоторые стороны ее идеологии, то, по крайней мере, - и это очевидно на примере поучений о том, как относиться ко времени – были чрезвычайно близки им.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ Подробнее о жизни и творчестве Альберти см.: *Зубов В.П.* Архитектурная теория Альберти. СПб., 2001 [работа подготовлена в 1946 г.]; *Леон Баттиста Альберти*. М., 1977 (сборник со статьями об Альберти В.Н. Лазарева, Л.М. Брагиной, В.П. Зубова, В.Н. Гращенкова); *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм. Этические учения XIV-XV веков. М., 1977. С. 151-202; *Брагина Л.М.* Социально-политические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983. С. 120-174; *Брагина Л.М.* Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Идеалы и практика культуры. М., 2002. С. 184—230; *Данилова И.Е.* Альберти и Флоренция. М., 1997; *Michel P.H.* Un ideal humain au XVe siècle. La pensée de L.B. Alberti. Paris, 1930; *Santinello G.* Leon Battista Alberti. Una visione estetica del mondo e della vita. Firenze, 1962; *Gadol J.* Leon Battista Alberti. Universal man of Early Renaissance. Chicago-London, 1969; *Ponte G.* Leon Battista Alberti umanista e scrittore. Genova, 1991.

² “...Ad que cum ego iam respondere coepissem subita res orationem unteppit. Nunciatum enim est Leonem Baptistam Albertum paulo post affuturum. Vererat enim nuper Roma et cum via aretina in fighinensi apud Marsilium Ficinum virum nostra tempestate inter Platonicos facile principem divertisset. Statuerunt communi consilio non prius Florentiam ire, quam totam caniculam inter casentinatia tempe declinassent” (*Landinus*

Chr. Disputationes Camaldulenses. I. s. a. F. 3r; Supplementum Ficinianum. Ed. P.O. Kristeller. Florentiae, 1937. Vol. II. P. 251. Далее: SF).

³ “Verum illud admiror cur dum nominatim nos aristotelicis annumeras, Ficinum silentio praeterieris. Hic Baptista cum Marsilium subridens aspexisset. Quid aliud censes inquit, o Donate, nisi me invidia ne hoc facerem impediri? Nam etsi haec quoque quae e lycii fonte fluxerunt illum abunde hausisse non dubitem, tamen cum eorum enygmatum quae ex academiae oraculo solvenda sunt, illum verissimum interpretem omnes fateamur putas ne a me extorqueri posse, ut utrunque illi concedam?” (Ibid. II. F. 19r; SF. P. 251-252).

⁴ «Dicunt enim deum summum esse bonum quod et ante Christum et hominem natum Platonem sensisse constat. Cuius quidem opinionem facile cum voles vel iis commentariis quos Marsilius non modo gravissime verum etiam perspicue et enucleate in Platonis “Philebum” conscripsit cognoscere poteris...» (Ibid. II. F. 20r; SF. Vol. II. P. 252).

⁵ “Sed haec de te Laurenti latere minime puto. Sunt enim non solum docte ac distincte sed omnino dilucide a Marsilio nostro in iis dialogis explicata; quos ille in Platonis “Symposium” conscriptos sub tuo nomine aedidit” (Ibid. IV. F. 59v; SF. Vol. II. P. 252).

⁶ “Censet Plotinus omnium hominum animas ad eundem vitae habitum redituras. Haec igitur et qualia sint et quanti facienda facile ex eo libro percipies quae nondum expoliturum in manibus hic noster Marsilius habet, nec adhuc edidit. Verum ego cum apud ipsum in Fighinensi divertissem casu in eum incidens aperui locosque quosdam summa cum voluptate percurri. Res omnino magna est Laurenti et magnis ingenii viribus tractata et prorsus digna in qua labores. Poterit enim non solum maxima ac pulcherrima et homini se ipsum nosse cupienti pernecessaria te docere, sed in summam quoque admirationem rapere. Scribit enim non physice ut plerique solent sed metaphysice de animorum nostrorum immortalitate, ut

plane possit de ea re omnem dubitationem amovere” (Ibid. IV. F. 70v; SF, Vol. II. P. 252-253).

⁷ См. в этой связи: *Marcel R. Marsile Ficin. 1433-1499. Paris, 1958. P. 197, 314.*

⁸ См. об этом: *Marcel R. Op. cit. P. 311, 328. 393.* Впрочем, есть и другая датировка 1 изд. “Камальдоленских бесед” – 1480 г. и времени их окончательного создания – 1472 г. См.: *Lohe P. Datierung der “Disputationes Camaldulenses” des Cristoforo Landino // Rinascimento. 1969. Vol. IX. P. 291-299; Брагина Л.М. Социально-этические взгляды... С. 211, 216 (Сн. 105).*

⁹ “... se non sono [Disputationes] realmente accadute, è certo che sono conforme alla realtà, sono in altre parole verosimili” (*Della Torre A. Storia dell’Accademia Platonica di Firenze. Firenze, 1902. P. 580.*)

¹⁰ См.: *Зубов В.П. Архитектурная теория Альберти. С. 64; Брагина Л.М. Социально-этические взгляды... С. 217 (Сн. 110).*

¹¹ *Marcel R. Op. cit. P. 317.*

¹² См.: *Ficinus M. Pythagorae aurea verba. Eiusdem symbola // Op. om. P. 1978* (их переиздание: *Gentile S. Sulle prime traduzioni dal greco di Marsilio Ficino // Rinascimento. 1990. Seconda serie. Vol. XXX (P. 57-104). P. 86-95*); *Alberti L.B. Sentenze pitagoriche // Opere volgari. A cura di C. Grayson. Bari, 1966. Vol. II. P. 297-300.* Джентиле на основе текстологического анализа “Пифагорейских речений” показывает, что Альберти имел перед глазами именно Фичинову латинскую версию “пифагорейских” писаний, которой, впрочем, следовал не буквально, позволяя себе отступления от нее и изменения, в первую очередь, для того, чтобы приглушить языческое содержание некоторых частей, имеющих ссылки на богов, героев, демонов. См.: *Gentile S. Sulle prime... P. 76-80.*

---

¹³ Утверждение В.П. Зубова (Указ. соч. С. 63) об “отсутствии крепких и прочных связей Альберти с Флорентийской [Платоновской] академией” после того, как С. Джентиле опубликовал свои наблюдения об источнике Альбертиевых “Пифагорейских речений”, нужно признать ошибочным; равным образом невозможно согласиться с Э. Гарэном, заявившим о том, что “на самом деле Альберти далек от Фичино” (*Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 199).

¹⁴ *Alberti L.B.* Della familia. III. // *Opere volgari.* A cura di C. Grayson. Bari, 1960. Vol. 1. P. 176; *Альберти Л.Б.* О семье. III. Перевод О.Ф. Кудрявцева // *Опыт тысячелетия.* М., 1996. С. 400-401.

¹⁵ *Ibid.* P. 214 (С. 410). См. в этой связи: *Брагина Л.М.* Социально-политические взгляды... С. 159; *Кудрявцев О.Ф.* Ренессансный гуманизм и “Утопия”. М., 1991. С. 173-174.

¹⁶ [*Альберти Л.Б.*]. Фрагмент анонимной биографии Леон-Баттисты Альберти. Перевод Ф.А. Петровского // *Альберти Л.Б.* Десять книг о зодчестве. М., 1935. Т. I (С. XIX-XXIX). С. XXIX. О принадлежности этой биографии перу самого Альберти см.: *Watkins R.* The authorship of the “Vita Anonyma” of Battista Alberti // *Studies in the Renaissance.* 1957. N 4. P. 101-102; *Idem.* Leon Battista Alberti in the mirror: an interpretation of the “Vita “ with a new translation // *Italian Quaterly.* 1989. Vol. 117. P. 5; *Fubini R., Menci Gallorini A.* L’autobiografia di Leon Battista Alberti: studio e edizione // *Rinascimento.* 1972. II. N. 12. P. 21-78; *Гарэн Э.* Проблемы итальянского Возрождения. М., 1986. С. 181. Недавно, впрочем, было высказано мнение, с аргументами которого, однако, трудно согласиться, будто автором биографии является все же не Альберти: *Эненкель К.* Происхождение ренессансного идеала “uomo universale”: “Автобиография” Леона Баттиста Альберти // *Человек в культуре Возрождения.* М., 2001. С. 79-86.

¹⁷ “Delle ore concesse a chi vive, continuo si perdon quelle che tu non adoperi. Ieri passò, doman non ha certezza. Vivi tu adonque oggi” (*Alberti L.B. Sentenze pitogoriche // Opere volgari. A cura di C. Grayson. Bari, 1960. Vol. 2. P. 300*).

¹⁸ «”Non est, crede mihi, sapientis dicere ‘Vivam’. / Sera nimis vita est crastina: vive hodie”... Pereat cras istud hodie, pereat quamprimum, ne tu pereas, nihil crastino isthoc fallacius, fefellit omnes quos terra protulit homines... Vix presens tempus habemus: nam ita leviter habemus, ut parumper retinere non valeamus. Futurum autem nihil est, futurum igitur nullus habet... Bene vale hodie, si cras valueris, valebis nunquam» (*Ficinus M. Tempus parce expendendum // Ep. lib. I. P. 646-647*). См. также: *Марциал. Эпиграммы. I. 15. 11-12. Перевод Ф. Петровского. М., 1968. С. 33*.

Ср. в письме к Джованни Кавальканти тот же призыв жить, предпочитая настоящее и не доверяя будущему, и такая жизнь преподносится в качестве согласной с Богом, в котором нет вчера и завтра, но есть сегодня: “Vivendum est autem hodie, qui enim cras vivit nunquam vivit. Si vis hodie vivere, vive Deo in quo heri et cras nihil aliud sunt quam hodie” (*Ficinus M. De tolleranda iniuria // Ep. lib. P. 632. 3*).

¹⁹ “Laetus inpraesens” (*Ficinus M. Medicina corpus, musica spiritum, theologia animum curat // Ep. lib. I. P. 609. 2*).

²⁰ “... sed visne valere bene? Bene disce, et disce precor hodie, qui cras discit, nunquam discit” (*Ficinus M. Exhortatio ad sapientiam // Ep. lib. I. P. 617. 2*).

²¹ “Temporis enim iactura me stimulat ut eos [libros] sepius exigam. Nulla est gravior iactura quam temporis” (*Ficinus M. Gravis est iactura temporis // Ep. lib. I. P. 625. 3*).

²² “Qui considerent quam gravis sit temporis iactura? In aere expendendo parcissimi sumus, in tempore erogando supramodum prodigi” (*Ficinus M. Stultitia et miseria hominum // Ep. lib. I, P. 637. 1*)

²³ Об отношении Феофраста ко времени древние авторы сообщали следующее: “И Феофраст, умирая, жаловался на природу, что воронам и оленям она дала долгую жизнь, которая им совсем не нужна, а человеку – такую короткую... если бы человек мог жить дольше, он мог бы украсить людскую жизнь совершенным знанием всех наук. Вот он и жалуется, что должен умереть как раз тогда, когда что-то завиднелось впереди” (*Цицерон. Тускуланские беседы. III. 69. Перевод М.Л. Гаспарова // Цицерон. Избранные сочинения. М., 1975. С. 291*); “И не раз он [Феофраст] говорил, что самая дорогая трата – это время” (*Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Перевод М.Л. Гаспарова. М., 1979. С. 217*). “”

²⁴ *Ficinus M. Tempus parce expendendum // Ep. lib. I. P. 646. 2.* Одновременно Фичино обращается с призывом побуждать Лоренцо быть радетельным в занятиях науками, чтобы в них он первенствовал, как первенствует среди граждан своим положением, к его секретарю Никколò Микелоцци: “Vale, [Michelocti,] atque exhortare ad diligentiam Laurentium, ut brevi tantum doctrina superet Latina, quantum autoritate cives suos sine controversia superat” (*Idem. Nemini recte volenti omnino ad bonum interclusus est aditus // Ep. lib. I. P. 648. 2*).

²⁵ “... tum avarus parcusque temporis erat Cosmus quam Mida pecuniae. Et quum parcissime suos dies expenderet, horasque impense dinumeraret, homo momentorum avarissimus, frequenter iacturam deplorabat horarum” (*Ficinus M. Imitatio potior est quam lectio // Ep. lib. I. P. 649. 1*).

²⁶ “Periucunda mihi fuit epistola tua, quae ita praeteriti temporis iacturam in nobis arguit, ut non omnino inutile otium fuisse nostrum videatur. Factum est enim, privata parvi temporis iactura, ut ea ex te praecepta emanarint,

quae non nobis modo, sed iis omnibus prodesse possint, qui eodem morbo laborant” (*Medices L. Responsio ad epistolam de tempore parce expendendo* // Ep. lib. I. P. 647. 3; *Idem. Lettere. A cura di R. Fubini. Firenze, 1981. Vol. II. N 178. P. 35-37*).

²⁷ “tempore, ut nullum cras habituro” (*Ibid. P. 648. 1*).

²⁸ “Chi vuol esser lieto, sia:

Di doman non c’è certezza” (*Medici L. de’. Canti carnascialeschi. VII. Canzona di Bacco* // *Opere. A cura di A. Simioni. Bari, 1914. Vol. 2. P. 249*).

О. Вальцель считает, что между Фичиновым увещеванием к Лоренцо “дорожить мгновением” (“carpe diem”) и призывом этого последнего жить радостно, дистанция огромного размера (*Walzel O. Von Plotin, Proklos und Ficino // Vierteljahrschrift für Litteraturwissenschaft und Geistesgeschichte. 1941. Vol. XIX (S. 407-429). S. 429*). Однако Вальцель не учитывает контекст, в котором Лоренцо высказал свой призыв и в котором речь идет о быстротечности жизни (именно ее моментом и следует наслаждаться), как он не принимает во внимание и то, что у Фичино можно найти точно такую же мысль, как и у Лоренцо, - “радуйся настоящему”, “laetus inpraesens”, (см. выше: С. 000 N 000). О близости между Фичино и Лоренцо в этом вопросе см.: *Dress W. Mystik des Marsilio Ficino. Berlin-Leipzig, 1929. S. 81; Kristeller P.O. Lorenzo de’ Medici platonico // Studies in Renaissance Thought and Letters. Roma, 1969 (P. 213-219) (1 изд. работы – 1938 г.). P. 218-219*.

²⁹ “Chi tempo aspetta, assai tempo si strugge:

E ‘l tempo non aspetta, ma via fugge.

La bella gioventù giamai non torna,

Nè ‘l tempo perso giamai riede indrieto;

Però chi ha ‘l bel tempo e pur soggiorna,

Non ará mai al mondo tempo lieto;
Ma l'animo gentile e ben discreto
Dispensa il tempo, mentre che via fugge...,-

и несколько ниже, -

Io credo che non sia maggior dolore

Che del tempo perduto a sua cagione” (*Medici L. de'*. Canzoni a ballo.

IX // Opere. Ed. A. Simioni Vol. 2. P. 201).

³⁰ “Una regola sopra l'altre vi conforto ad usare con tutta la sollecitudine vostra; et questa è di levarvi ogni mattina di buona hora, perchè oltra al conferir molto alla sanità, si pensa et espedisce tutte le faccende del giorno, et al grado che avete, avendo a dir l'ufficio, studiare, dare audientia ec. ve 'l troverete molto utile. Un altra cosa è sommamente necessaria a un pari vostro, cioè pensare sempre, et massime in questi principii, la sera dinanzi, tutto quello che avete da fare il giorno seguente, acciocchè non vi venga cosa alcuna immeditata” (*Roscoe Th. The life of Lorenzo de' Medici called the Magnificent. London, 1872. App. XXVII. P. 469*).